

ISSN 2524-2363 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 177:2.42
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-409-417>

Поступила в редакцию 01.04.2018
Received 01.04.2018

О. Н. Кожемякина

Черкасский государственный технологический университет, Черкассы, Украина

ДИСКУРС ДОВЕРИЯ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Статья посвящена концептуальному анализу проблематизации кризиса доверия в контексте экзистенциальной философии. Особое внимание уделяется специфике амбивалентной трактовки онтологического и феноменологического уровней доверия как ценностного основания социального взаимодействия. Основываясь на работах К. Ясперса, М. Бубера, О. Ф. Больнова, Н. Аббаньяно, исследованы как причины появления, так и пути преодоления кризисных оснований доверия как индикатора человеческого бытия и условия «возможности возможностей» доверия как позитивного экзистенциала ответственного сосуществования, учитывая парадоксальность экзистенциальной проблематики в интенциях одиночества/ коммуникации, подозрения/открытого нормативного поведения, свободы/ необходимости.

Представлена экзистенциальная аналитика феноменологического уровня доверия в трактовке стратегий критического оптимизма и практик подозрения, что позволило рассмотреть конструктивные и деструктивные эффекты доверия в терминах смысловых проблем выбора, страха, тревоги, заботы, свободы, ответственности в горизонтах «доверия-к-миру» и «доверия-к-Другому», концептуализируя внутренние и внешние ресурсы базисных ожиданий надежности, безопасности, оптимистичной открытости и пульсирующей человечности. Предлагается концептуализация доверия как экзистенциального самоопределения в горизонтах надежности мира и готовности к уязвимости, что поддерживается наличием общей системы ценностей и смысловой наполненности ответственной самопроекции в солидарной сопричастности с Другим.

Ключевые слова: доверие, вера, кризис, экзистенциал, ценность, ответственность

Для цитирования. Кожемякина, О. Н. Дискурс доверия в экзистенциальной философии / О. Н. Кожемякина // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 4. – С. 409–417. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-409-417>

O. N. Kozhemiakina

Cherkasy State Technological University

TRUST DISCOURSE IN EXISTENTIAL PHILOSOPHY

Abstract. The conceptual analysis of the problematization of the crisis of trust in the context of existential philosophy is performed in the article, paying special attention to the specificity of the ambivalent interpretation of the ontological and phenomenological levels of trust as the value basis for social interaction. Addressing the works of K. Jaspers, M. Buber, O. F. Bollnov, N. Abbagnano, the ways of overcoming the crisis bases of trust and the conditions of the “possibility of possibilities” of trust as a positive existential of responsible coexistence are analyzed. The conceptualization of trust as an existential self-determination in the horizons of reliability of world and readiness for vulnerability is presented.

An existential analytics of the phenomenological level of trust in the interpretation of strategies of critical optimism and suspicion practices is proposed, which allowed us to consider the constructive and destructive effects of trust in terms of meaningful problems of choice, fear, anxiety, concern, freedom, responsibility in the “trust-to-the-world” and “trust-to-Other” horizons, conceptualizing internal and external resources of basic expectations of reliability, security, optimistic openness and pulsating humanity.

Keywords: trust, faith, crisis, existential, value, responsibility

For citation. Kozhemiakina O. N. Trust discourse in existential philosophy. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya Humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 4, pp. 409–417 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-409-417>

В условиях смены ценностных парадигм антропоцентризма в осмыслении фундаментальных оснований существования человека в мире, перенасыщенном различными проблемами и кризисами, особое значение приобретает постижение тех феноменов, которые несут в себе основы стабильности, надежности, глубокой духовности и нравственной чистоты. Одним из таких феноме-

нов является доверие, обладающее мощной силой ценностного ответа и самосозидания, в то же время выступая ярким индикатором и необходимым условием эффективного взаимодействия и упорядоченной социальности, пронизывая все сферы человеческих взаимоотношений и отражая особый вектор позитивно-проективных отношений с другими людьми, с собой и, в самом общем смысле, с миром. По мнению Б. Мицтел, «в сегодняшнем дифференцированном, ненадежном и глобализированном мире доверие становится делом первостепенного и ключевого значения» [1, р. 9], поскольку именно в доверии как актуальном и сложном явлении пересекаются и разрешаются главные противоречия современности.

Предметом специальных научных исследований доверие становится сравнительно недавно, в середине XX века, но как динамичное и противоречивое социокультурное явление доверие имеет определенные исторические тенденции развития, касаясь проблем социального согласования, свободы и ответственности, личностного самоопределения, толерантности и солидарности. В то же время наблюдается рост дискуссионности относительно природы и значимости доверия, его факторов и роли в современном обществе, особенно учитывая кризисность доверия, усиление тревожности, обеспокоенность будущим, а также устойчивую динамику падения уровня институционального доверия. Существенная проблематизация доверия происходит также в связи с развитием манипуляционных технологий, в частности, в экономической и политической сферах, актуализируя вопросы кризисной динамики доверия в условиях массовизации, дегуманизации общества, идеологических информационных противостояний.

Доверие является ключевым условием социального взаимодействия как в межличностном общении, так и на институциональном и системном уровнях, отражая проблематику социальной зависимости, ускользающей достоверности, уязвимости и интегративных перспектив в общественно-политической и социально-экономической сферах. Особый ракурс доверия в трактовке стратегий критического оптимизма и практик подозрения предлагает экзистенциальная аналитика, позволяя рассмотреть доверие в терминах смысложизненных проблем выбора, страха, тревоги, заботы, свободы, ответственности, концептуализируя внутренние и внешние ресурсы базисных ожиданий надежности, безопасности, оптимистичной открытости и пульсирующей человечности.

Историко-философский ракурс дискурса доверия проявляется в исследовательских стратегиях анализа доверия как добродетели и нравственной категории в аспекте открытости и искренности, передачи властных полномочий и интегративного компонента социального капитала, что нашло отражение в работах А. Селигмена, Н. Лумана, Ш. Айзенштадта, А. Байер, Р. Хардина, Б. Барбера, Б. Мицтел, П. Дасгупты, Т. Ямагиши, Е. Усланера, А. Алешина, Т. Скрипкиной, С. Гельфановой, В. Визгина и др. Среди исследователей феномена доверия в контексте философии экзистенциализма отметим Т. Скрипкину, в работах которой анализируется становление идей доверия к себе в истории экзистенциальной философии [2], а также В. Визгина, рассматривающего динамику экзистенциального опыта человека от школы подозрения к философии доверия [3]. Особой значимостью в контексте данного исследования отличаются вопросы поиска ценностных оснований доверия Другому в аспекте противоречивых реалий экзистенциальных мотивов утраты смыслов, ценностного вакуума, одиночества, абсурда, толпы и т. п., отражая методологическую и концептуальную сложность ретроспективного анализа динамики доверия как экзистенциала человеческой жизни.

Поэтому целью данной работы является концептуальный анализ проблематизации кризиса доверия в экзистенциальной философии, учитывая специфику амбивалентной трактовки онтологического и феноменологического уровней доверия как ценностного основания социального взаимодействия.

Феномен доверия обозначает позитивно направленное ценностное отношение, основанное на ощущении экзистенциальной безопасности, прогнозируемости и стремлении к личностному признанию. Выражение темпорального воплощения ожиданий идеалов социальной надежности (прозрачности намерений, неопортунистического поведения, выполнения добровольно взятых обязательств и др.) обуславливает отнесение доверия как ориентированного на Другого ценностного ожидания к категориям моральных долженствований. Отмечая в качестве условий появления

доверия два значимых фактора – чувство надежности и полезности, Т. Скрипкина конкретизирует доверие как «способность человека априори наделять явления и объекты окружающего мира, а также других людей, их возможные будущие действия и собственные предполагаемые действия чертами безопасности (надежности) и ситуативной полезности (значимости)» [2, с. 85], что определяет взаимозависимость уровней доверия себе, другим людям и миру в целом.

В экзистенциальной философии феномен доверия возникает в контексте анализа других, близких доверию категорий (веры, надежды, достоверности, ответственности, авторитета, свободы и т. д.), а также противоположных доверию феноменов (подозрения, недоверия, страха, социальной деструкции, ressentiment, нигилизма, отчаяния, цинизма и т. п.), не становясь непосредственным предметом специальных исследований.

С учетом кризисной тематизации экзистенциальной философии в целом одним из важных ракурсов экзистенциальной аналитики доверия являются процессы утраты (и путей обнаружения) оснований доверия, истощения его ресурсов, что усиливает онтологический контекст доверия, в том числе относительно экзистенциальной идентичности, обусловленной потребностью в базальном доверии миру. Ощущение явной или потенциальной угрозы в разнообразных структурах мира породило кризис доверия в онтологическом ракурсе – Богу, церкви, миру, власти, окружающим людям и т. п., обнажая проблему утраты смысловых гарантов и базисных оснований упорядоченности и безопасности мира, что и обуславливает экзистенциальное самоопределение человека; а также в *эпистемологическом аспекте* – разуму, истине, науке, гуманизму, демократии и т. п., предопределяя рефлексивное недоверие к непосредственному опыту и размывая ориентиры подлинности в современном мире.

Следовательно, доверие как сложное и неоднозначное явление требует выявления глубинных источников экзистенциальных гарантий, социальных долженствований и ожиданий, учитывая парадоксальность экзистенциальной проблематики в интенциях одиночества/коммуникации, подозрения/открытого нормативного поведения, свободы/необходимости. При этом следует учитывать многообразие философских концепций относительно трактовки оснований доброй воли, соблюдения обязательств, соотношения сущего и должного, моральных интуиций этики Ближнего и Дальнего, потребности во внутренних и внешних авторитетах (Бога, отца, мастера, эксперта и т. д.) и автономии субъекта в исследовательском фокусе аксиологии социальной надежности, интегративности и общего блага.

Существенный ракурс экзистенциального анализа доверия предполагает учет исследовательского формата эпистемологического характера как доверия к словам и возможности полагаться на мнение Другого, подчеркивая в дискурсе доверия вопрос герменевтики достоверности не только в контексте моралистических ожиданий намерений, но и коммуникативной компетентности в целом. Согласно В. Визгину, именно трансцендентность Другого в аспекте принципиальной недоступности его рационального постижения препятствует включению в пределы подконтрольного нам мира, провоцируя содержательные интерпретации и конструирование его трансцендентной реальности, но в то же время без установки доверия в соотношении с Другим и нацеленного на Другого самораскрытия невозможно достичь полноты и целостности бытия, «горизонт полагания высших позитивных смыслов без него нельзя себе представить» [3, с. 9].

В экзистенциальной философии, в отличие от классических подходов к рациональному постижению сущности и обобщенным источникам согласованного социального взаимодействия, смещается ракурс анализа онтологических и феноменологических оснований доверия к модусам индивидуального переживания, рефлексивного отражения, внутреннего духовного опыта, акцентируя трагичность, драматизм экзистенции и кризисность эпохи системного обезличивания, ценностного вакуума, доминирования фальши, общей разъединенности, утраты смыслов.

Рассмотренные в качестве базовых основ социального бытия, сомнение и ложь становятся онтологическими принципами философии подозрения, что определяет оптику анализа в терминах иллюзорности бытия, скрытности истинных намерений, недоступности «схватывания» действительных оснований человеческого бытия, его окончательной «непонятности». О проблеме ложного сознания, сознания как лжи говорит П. Рикер, указывая в качестве «философов подозрения, мыслителей, срывающих маски», прежде всего З. Фрейда, Ф. Ницше, К. Маркса [4]. Тематизируя

критику религии в аспектах обвинения и спасения, дискурс доверия по сути смещается к проблематизации оснований достоверности истины и очевидности опыта в конструировании intersubъективного пространства взаимодействий, привычный статус которых подвергается радикальному сомнению и регрессивному анализу. Гносеологический модус «герменевтики подозрения» и «герменевтики доверия» фокусируется вокруг вопросов парадоксов мышления и способности познания достоверности Другого как другого субъекта, иного бытия, другой культуры и т. п., а также фиксации скрытых значений культуры, способов их маскировки и определения источников продуцируемых ценностей.

Экзистенциальные смыслы индивидуального свободного и неповторимого самоосуществления в напряженных поисках и противостояниях эссенциального воплощения через переживания страха, отчаяния, заботы, разочарования, тревоги и т. п. заложены в работах С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, Х.Ортеги-и-Гассета, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, А. Камю, Г. Марселя и др., отражая теистические и атеистические коннотации проблемности гарантий и сфер подлинного бытия, в том числе бытия-с-Другим. Учитывая неоднородность самого экзистенциализма, отметим, что в целом данное философское направление, формируемое в кризисные и переломные периоды динамичного XX века, предлагает пессимистический и трагический формат определения перспектив в ситуации выбора возможностей «быть человеком», «не быть человеком», «быть самим собой», «быть собой в признании другого» в горизонтах тотальной ответственности и «выбора без выбора». В то же время экзистенциализм можно рассматривать и как основу для появления методологических подходов в преодолении пессимизма, путей обнаружения новых смысловых ориентиров согласованности и условий формирования подлинной коммуникации, что способствует появлению новых контекстов экзистенциальной аналитики философии доверия в современном мире.

В выразительных метафорических образах противостояния абсурду и одиночеству проблематизируется доверие в философской концепции Ж.-П. Сартра, в рассуждениях которого фразы «Ад – это другие» [5], «Тошнота – это невозможность любви и доверия» [6] отражают экзистенциальные переживания относительно искажения настоящих отношений с другими в попытках взаимного созерцания, мучительного осознания себя лишь объектом в мире другого сознания. Отчетливо прорисованы деструктивные эффекты стереотипных зависимостей и неумение понять друг друга в тотальном одиночестве, когда из страха рождается недоверие, а из недоверия – агрессивность, что становится отличительной чертой осатаневшего одиночества. Тем не менее важными в дискурсе доверия являются предложенные Ж.-П. Сартром кризисные коннотации выбора, который предопределяет ключевые направления развития реальности с имманентным неудовлетворением, обнаруживая перспективы обреченности на свободу, одиночество, сущностную неопределенность, принципиальную конфликтность в отношениях беззащитной зависимости от мнения Другого и болезненную уязвимость в ситуациях неожиданных ударов измены и предательства. Подобные настроения с целью обеспечения безопасности обуславливают распространение стратегий ограничения поведенческих альтернатив, оправдывая экзистенциальную закрытость и «герменевтику подозрения» относительно большинства сфер современного общества.

Экзистенциальная тематизация горизонтов доверия, его ресурсов, пределов и возможностей обуславливает обращение к кризисным процессам современного мира и перспективам развития человека с учетом динамики глобализации и информатизации. В условиях «общества потребления» смещаются ценностные приоритеты, возрастает ощущение опасности и недостатка, в результате массовизации происходит личностное нивелирование, размывается значимость знания и т. п., что приводит к утрате целостности и экзистенциальной безысходности. Говоря словами К. Ясперса, «мир попадает во власть посредственности, людей без судьбы, без различий и без подлинной человеческой сущности» [7, с. 311].

Рассматривая осознание кризиса как выражение тотальной опасности, сомнения и невозможности радикальной упорядоченности, К. Ясперс непосредственно с утратой доверия связывает кризисную динамику современного массового общества. И в контекстах неустойчивости и несогласованности государственного кризиса, и в распаде духовности, и в кризисе самого человеческого бытия К. Ясперс видит сущность современного кризиса именно в недостатке доверия [7, с. 335]. Утрата доверия обусловлена смещением границ порядка существования, когда массо-

вый порядок за счет создания «универсального аппарата существования» парадоксальным образом «разрушает мир специфически человеческого существования» [7, с. 323]. Тотальная рационализация, безразличная взаимозаменяемость, массовизация общества строит социальные взаимодействия не на доверии, а на основе расчета и условностей формального права, поскольку при тотальном подчинении всего лишь интересам исчезает «сознание субстанциальности целого», доверие существует «только в самом маленьком кругу, но не доверие в рамках целого» [7, с. 335].

Необозримость современной кризисной динамики К. Ясперс предлагает определить с помощью нескольких способов, отражающих экзогенные и эндогенные изменения в структурах доверия, среди которых – планетарный масштаб проблем, что усиливает взаимозависимость и незащищенность; нивелирование индивидуальности и утрата субстанциальности, что снижает доверие к себе и подменяет подлинные основы идентичности бесконечной мимикрией. Но наиболее разрушительной для доверия является духовная причина упадка, которую К. Ясперс видит в деструктивных эффектах критики и потере истинного авторитета, что привело к распространенным практикам цинизма, безразличия, вялой гуманитарности без гуманности.

Восстановить ценность жизни, достоинство и целостность человека возможно путем возвратного обращения к глубинным истокам нашего бытия: «Если доверие к тому, что являет себя в мире, что дано в нем, не может быть положено в основу жизни, то эту основу надо искать в доверии к самым истокам всего существующего» [7, с. 226]. Подобная темпоральная основа доверия предполагает направленность проективных детерминант ожиданий надежности мира в будущем через возвращение к конструктивным возможностям самопостижения в исторических формах веры – как того, «что наполняет сокровенные глубины человека, что движет им, в чем человек выходит, возвышается над самим собой, соединяясь с истоками бытия» [7, с. 227]. У человека есть возможность быть человеком, возможность как скрыть свою сущность, вытеснив ее из сознания, так и восстановить ее из тайны обнаружения себя путем мыслимого сообщения с другими, обретения достоверности любви, видения истинного и пробуждения непреложного в подлинной коммуникации с Другим, утверждая на основе доверия себе возможность доверия другим и миру в единстве экзистирования и трансцендирования. Именно в экзистенциальной коммуникации осуществляется причастность иной самости с собственной, в доверительной связи Я-бытия и бытия-с-другим.

Философская вера, трактуемая К. Ясперсом как вера в коммуникацию, обеспечивает коммуникативные основания доверия, реализуясь в интенциях истины как связи и коммуникации: «Человек находит в мире другого человека как единственную действительность, с которой он может объединиться в понимании и доверии» [7, с. 442]. Основными чертами экзистенциального понимания веры в человека К. Ясперс считает наличие ответственности за сущностную самореализацию и веру в возможность свободы, обеспечивая экзистенциальные ресурсы доверия как возможности загадочного эссенциального самообнаружения человека в мире на основе внутренней свободы. Там, где отсутствует свобода, невозможны доверие и справедливость.

Социально-политические аспекты вопросов согласования политической и внутривластной свободы, защиты от насилия, справедливости, признания личностной значимости отражены в легитимационной функции доверия, которая реализуется в демократическом правовом государстве с опорой на порождающие необходимый порядок возможностей структуры сильного гражданского общества, утверждая приоритеты свободы, ответственности, толерантности: «Легитимность подобна кудеснику, беспрестанно создающему необходимый порядок с помощью доверия; нелегитимность – это насилие, которое повсеместно порождает насилие, основанное на недоверии и страхе» [7, с. 172]. Доверие здесь рассматривается К. Ясперсом в контексте проблем, позже поставленных коммуникативной философией, в частности, относительно дискурсивных практик открытого осознанного обсуждения в процессе принятия решений, сохраняя конструктивный потенциал практик недоверия в аспекте контроля власти и проверки ее заслуг [7, с. 175]. Государство и гражданское общество как сети доверия являются лишь сферой осуществления возможностей, направленность и реализацию которых обеспечивает обращение к духовным истокам свободного самоутверждения человека в ответственном сосуществовании с другими. Это единство обладающих самобытием и является невидимой реальностью сущностного бытия.

Смыслы коренятся в глубинах человеческого бытия, и именно на основе доверия как экзистенциала открытости миру выстраиваются смысложизненные идеи всеобщего согласия, утверждая мировоззренческую позицию жизненного оптимизма относительно того, что «не все ничтожно, что мир – не только бессмысленный хаос, переход из небытия в небытие» [7, с. 225]. Таким образом, восстановление утраченных оснований сетей доверия, которое не зафиксировано в договорах и не гарантирует абстрактное выполнение требований, К. Ясперс видит в обнаружении в истоках осевого времени возможностей сущностного осознания, духовной целостности и подлинной коммуникации, реализуя возможность предназначения быть человеком в беспредельной открытости, подлинности, любви и верности.

К кризисным перспективам доверия в современном мире обращается и М. Бубер, отмечая, что причиной неведомого ранее по глубине и масштабам нынешнего кризиса является кризис доверия, демонстрируя деструктивные эффекты патологических процессов социального подавления [8, с. 290]. В предыдущие эпохи обустроенности человеческой жизни определенность и социальная стабильность, которые поддерживались традиционным укладом малой общности во вместе-бытии, обеспечивали живую связь в подлинности и простоте доверия. Утрата доверия освобождает место для подавления, враждебности и практик подозрения, иллюстрируя процессы изменения духовного потенциала человека в его цельности и сопричастности с миром и другими людьми.

Особенный интерес вызывают размышления М. Бубера о контингентных темпоральных основаниях доверия в контексте антропологического времени, учитывая игры с возможностями, модусы конкретности в сознательной воле человека и непредсказуемость выбора. Антропологическое время постичь невозможно, ибо «будущее не может наличествовать передо мной постольку, поскольку оно до известной степени зависит – в моей воле и сознании – от моего решения» [8, с. 228]. Принципиальное отсутствие определенности в социальном прогнозировании – в аспекте невозможности точного знания о будущих поступках людей – усиливает проблематичность доверия как рискованного негарантированного отношения, за исключением доверия, выстраивающего отношение к будущему на основе веры в Бога как гаранта «того, что есть, но еще не присутствует в мире явным образом» [8, с. 229].

Разрабатывая «философию диалога», М. Бубер особое внимание обращает на значение общения в событии Я и Ты, понимая ответственность как возможность ответа, внимание в модусах наличия внимающего, доверие как открытость возможностям в непредсказуемом континууме мира. Таким образом, онтологический аспект доверия, понимаемого М. Бубером в качестве незаменимого элемента непосредственной духовной связи человека с миром и основания безусловной определенности будущего, предстает как основанное на силе веры сокровенное соучастие человека в мире – и в согласии, и в борьбе с ним, когда путем причастности к миру человек входит в причастность духа, в состоянии соприкосновения и акте принятия реализуя целостность бытия.

Доверие в оптимистичном аспекте понимания и возможности сосуществования с другими в процессе экзистенциальной коммуникации рассматривается в концепции «позитивного экзистенциализма» Н. Аббаньяно, который выстраивает ценностные основания ответственной самореализации в социальном взаимодействии как самопроекции в отношении к самому себе, другим людям и миру. Осознавая проблематичность связи экзистенции и бытия, философ осуществляет экзистенциальный анализ отношений человека и бытия в возможном отношении с другими людьми и миром – как трансценденции к миру и трансценденции к другим.

Сущностная проблематичность экзистенции как возможности состоит в неопределенности и необходимости выбора как постоянного включения вопроса, риска, поиска, решения, что и способствует обнаружению бытия человека как возможности создавать отношения с бытием [9, с. 39]. Для обозначения совместного бытия одной свободной экзистенции с другой Н. Аббаньяно вводит понятие коэкзистенции, отражая ценностные аспекты необходимого присутствия, понимания и значимости другого как признания инаковости иного бытия: «понимать других означает не сводить других к самому себе, а признавать их именно как других и искать в их инаковости побудительные причины и возможности симпатии, солидарности и борьбы» [9, с. 52].

Признавая значимость доверия в социальном взаимодействии в направленности коэзистенциальной связи жить для других в той же самой мере, в какой человек живет для себя на основе взаимопонимания и солидарности, Н. Аббаньяно обращает внимание на деструктивные эффекты радикального доверия как пассивности, легковёрности и некритичности. Полное доверие рассматривается мыслителем как форма уступки миру, в которой человек «не дает себе отчета о природе своего бытия, о неустойчивости и зыбкости своего существования» [9, с. 237], что свидетельствует о надменной или наивной эгоистичной уверенности в благожелательности мира, который подстраивается исключительно под потребности, требования и пользу человека. Истоки такой надменности коренятся в незнании своего истинного положения, но все же, в отличие от формы неприятия бегства от мира, в таком незнании Н. Аббаньяно усматривает некий позитивный элемент в качестве сохранения связи с миром как с «областью возможностей, в которых актуализируется существование человека» [9, с. 238], как некой истины человекосоразмерности мира, однако также и способа его подчинения, по сути отказа от ответственности за собственную жизнь.

Коэзистенциальная философия доверия Н. Аббаньяно, таким образом, предполагает избирательное отношение в ответственном поиске альтернатив состояния бытия, в котором бы гарантировались устойчивость и реализация требований, понимая и принимая неустойчивость и недостаточность этих гарантий. С одной стороны, происходит закрывание перспектив слишком доверчивого и бездеятельного ожидания в претензиях и иллюзиях, с другой – открываются горизонты самореализации, борьбы и обретения. Перефразируя Н. Аббаньяно, рассмотрим доверие как негарантированную стратегию действия «возможность-которая-да», что позволяет отразить перспективы социальных взаимодействий в «ценностной дуге» свойственных подлинному бытию взаимопониманию, ответственности, человечности, солидарности, учитывая все же необходимость умеренного чувства опасности при имманентном риске разрыва и борьбы.

В контексте проблемы возможностей преодоления экзистенциальных кризисных перспектив духовно-исторического развития человека рассматривает доверие основатель «оптимистического экзистенциализма» О. Ф. Больнов, считая доверие важнейшей предпосылкой жизни. Методологически преодоление экзистенциализма трактуется философом в направлении не столько констатации и выражения кризисных оснований человеческого бытия, сколько осмысленного поиска решения представленных проблем, среди которых в первую очередь обращается внимание на безудержное стремление к успеху, растворение в массовом индивидуальном, деградацию человека и превращения его в простой объект.

Кризис доверия как духовный признак кризиса современности связывается с утратой онтологических основ бытия и разочарования в разумности как его базового принципа, следствием чего стала утрата несущих опор духовной жизни и осознание иллюзорности бытийных смыслов и целей. Страх, одиночество, отчаяние, потерянности в чуждом и опасном мире обуславливают мрачные настроения в ситуации уникального метафизического опыта, оставляющего человеку экзистенцию как последнюю и неотъемлемую опору жизни [10]. Ученый интересуется вопросом, каким образом возможно преодоление одиночества и возвращение опорной оболочки для реальности вне человека, имея в виду другого человека, человеческое общество, институты, в которых такие общности сформировали свою жизнь, а также силы духовного мира, то есть все то, что может предоставить смысл и содержание человеческой жизни, как нечто постоянное и надежное. Риск, неудача, разочарование являются возможным экзистенциальным следствием неумолимости, неизбежности и жестокости встречи с другой реальностью, что и обостряет проблематику доверия в категориях безопасности [11, с. 99].

Новое же отношение к действительности, которое является условием возможности экзистенциально-оптимистического переживания жизни, О. Ф. Больнов обозначает как доверие всеобщего характера, подразумевая под этим возникающую из чувства глубокой укрытости общую установку открытости миру как доверия к жизни, потеря которого ведет к отчаянию и отрицательным экзистенциальным переживаниям, но которое все же сохраняет возможность нормальной жизни. Доверие рассматривается здесь не столько как наивная уверенность в отсутствии угрозы, сколько как восстановление ценности открывающей силы доверия в правильном понимании полноты жизни, осознавая хрупкость доверия и необходимость постоянной поддержки в борьбе с сомне-

ниями и преодолении отчаяния. В темпоральном ракурсе экзистенциальной аналитики доверия О. Ф. Больнов трактует надежду как доверие к будущему, а благодарность как отношение к прошлому, что в целом закладывает основы формирования основанной на чувстве одобрения бытия новой философии надежды и благодарности.

Итак, интерпретированное в качестве уязвимой оптимистичной стратегии открытости миру и специфической формы бытийной и социальной зависимости доверие как индикатор упорядоченности человеческого бытия становится важным концептом экзистенциальной философии, подчеркивая проблематику кризисных оснований безопасности, надежности, рациональности, неопределенности (в частности, намерений), тревожности, многочисленных угроз и противостояний. Доверие в семантике ритуализированной иллюзии договоренности о возможности рассчитывать на порядочность и честность Другого, на взаимность в требованиях поддержки и заботе об интересах друг друга, значительно обостряет мрачные образы безнадежной потерянности человека в мире и его кризисные коннотации, в то же время актуализируя поиски способов преодоления кризиса и обнаружения условий появления и сохранения доверия в философии надежды.

Экзистенциальная аналитика доверия раскрывает источники кризисной динамики доверия в утрате его ресурсов, которые содержатся в ценностном наполнении контекстов значимости подлинной коммуникации, смысловой общности и согласованности, относительной предсказуемости в напряженной самореализационной перспективе ответственного сосуществования с Другим при условии признания ценности собственной субъектности и субъектности Другого. Исходя из этого, доверие концептуализируется как экзистенциальное самоопределение в горизонтах надежности мира и готовности к уязвимости, что поддерживается наличием общей системы ценностей и смысловой наполненности ответственной самопроекции в солидарной сопричастности с Другим.

Важными модусами доверия во взаимосвязи внутриличностных, межличностных и системных проекций являются свойственные ему диалогичность, особенно в контексте дискурса встречи, понимания, знакомства, а также темпоральность, отражая временные проекции нескончаемого прошлого как опыта и благодарности, и бесконечного будущего как надежды и негарантированного ожидания осуществления желаемого. В качестве позитивного экзистенциала доверие как себя-другим-открывание обостряет ценностные горизонты оптимистичного отношения к сущностным интенциям Другого, обуславливая обнаружение истинных смыслов в экзистенциальном акте коэкзистенции, учитывая свойственные доверию риск и неопределенность возможностей со-бытия-с-Другим.

Дискурс доверия в экзистенциальной философии развивает идеи доверия как самообмана, вымученной иллюзии социальности, переживания выбора без выбора, исчезновения единства человека с миром в ситуациях бесконечного риска, утраты чувства поддержки и близости, что провоцирует общую закрытость, социальную тревожность, разрушение упорядоченности мира. И в то же время обнаруживается потребность в преодолении экзистенциальной изоляции глубинного одинокого Я, открывая новые горизонты сосуществования в понимающей уверенности и поиске условий возможности возможностей свободного самосозидания в сопричастности с другими.

Список использованных источников

1. Misztal, B. A. Trust in Modern Societies: The Search for the Bases of Social Order / B. A. Misztal. – Cambridge, Mass.: Polity Press, 1996. – 296 p.
2. Скрипкина, Т. П. Психология доверия / Т. П. Скрипкина. – М.: Изд. центр «Академия», 2000. – 264 с.
3. Визгин, В. П. На пути к другому: От школы подозрения к философии доверия / В. П. Визгин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 800 с.
4. Рикёр, П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера / П. Рикёр; пер. с фр. И. С. Вдовина. – М.: Искусство, 1996. – 270 с.
5. Сартр, Ж.-П. За закрытыми дверями: пьеса в одном акте / Ж.-П. Сартр; пер. с фр. Л. Каменской. – Харьков, Москва: АСТ Фолио, 1996. – 34 с.
6. Сартр, Ж.-П. Тошнота / Ж.-П. Сартр; пер. с фр. Ю. Яхниной. – М.: АСТ, 2010. – 320 с.
7. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. М. Левиной. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

8. Бубер, М. Проблема человека / М. Бубер // Два образа веры / пер. с нем. Ю. Терентьева. – М.: АСТ, 1999. – С. 202–301.
9. Аббаньяно, Н. Введение в экзистенциализм / Н. Аббаньяно; пер. с итал. А. Л. Зорина. – СПб.: Алетейя, 1998. – 505 с.
10. Больнов, О. Ф. Философия экзистенциализма / О. Ф. Больнов; пер. с нем. С. Э. Никулина. – СПб.: Лань, 1999. – 224 с.
11. Bollnow, O. F. Existenzphilosophie und Padagogik / O. F. Bollnow. — Stuttgart: Kohlhammer, 1959. – 160 s.

References

1. Misztal B. A. *Trust in Modern Societies: The Search for the Bases of Social Order*. Cambridge, Polity Press, 1996. 296 p.
2. Skripkina T. P. *Psychology of trust*. Moscow, Publishing center «Akademiya», 2000. 264 p. (in Russian).
3. Vizgin V. P. *On the way to another....* Moscow, LRC Publishing House, 2004. 800 p. (in Russian).
4. Riker P. *Hermeneutics and psychoanalysis. Religion and Faith*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1996. 270 p. (in Russian).
5. Sartr Zh.-P. *No exit*. Kharkiv, Moscow, AST Folio Publ., 1996. 34 p. (in Russian).
6. Sartr Zh.-P. *Nausea*. Moscow, AST Publ., 2010. 320 p. (in Russian).
7. Yaspers K. *Meaning and purpose of history*. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 527 p. (in Russian).
8. Buber M. Human problem. *Two Images of Faith*. Moscow, AST Publ., 1999, pp. 202–301 (in Russian).
9. Abbagnano N. *Introduction to Existentialism*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 505 p. (in Russian).
10. Bollnow O. F. *The philosophy of existentialism*. Saint Petersburg, Lan' Publ., 1999. 224 p. (in Russian).
11. Bollnow O. F. *Existenzphilosophie und Padagogik*. Stuttgart, Kohlhammer, 1959. 160 p. (in German).

Информация об авторе

Кожемякина Оксана Николаевна – кандидат философских наук, доцент. Черкасский государственный технологический университет (бульвар Шевченко, 460, 18006, Черкасск, Украина). E-mail: oksniko@ukr.net

Information about the author

Oksana N. Kozhemiakina – Ph. D. (Philos.), Associate Professor. Cherkassy State Technological University (460 Shevchenko Ave, Cherkasy, Ukraine). E-mail: oksniko@ukr.net